

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» /
SECTION «PHILOSOPHY OF SCIENCE»

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ / PHILOSOPHY OF RELIGION

Серия «Политология. Религиоведение»
2016. Т. 17. С. 105–112
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 248.158

**Антиномия сакрального и профанного в философском
дискурсе: турист или паломник?**

Д. А. Гусенова

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Аннотация. Раскрывается основное содержание антиномии сакрального и профанного в контексте философских размышлений о принадлежности современного пилигрима, находящегося в духовном поиске, к категории «туриста» или «паломника». Автор подчеркивает, что многообразие представлений о сакральном создало множество подходов в понимании паломничества и религиозного туризма как религиозных практик. Уделяется внимание существующей проблеме разночтений ключевых категорий и понятий. Постепенно происходит размывание «границ» между паломничеством и туризмом не только в рамках теоретических суждений, но и в действительности, поскольку сакральное в постсекулярном обществе воспринимается как духовная или предметная определенность, взятая в своей значимости для человека. В качестве основополагающего мотива для путешествия и «водораздела» религиозного туризма, равно как и массового туризма в целом, и паломничества остаются либо духовные цели, либо гедонизм. Приводится пример Европы, где культовые сооружения давно используются в качестве объекта для посещения туристами и рассматриваются местными властями в качестве дополнительного источника дохода. В заключение отмечено, что и туризм, и паломничество сегодня прочно ассоциируются со сферой услуг, с различного рода объектами обслуживания, связанными со священными местами.

Ключевые слова: сакральное, туризм, паломничество, религиозное паломничество, турист, «священное место».

Известный афоризм «Кесарю кесарево, а Богу богово» неустанно напоминает нам о необходимости разграничения двух фундаментальных основ человеческого бытия: светского и религиозного, сакрального и профанного. Любые попытки такого обособления озадачивают исследователя вариативностью представлений о религиозном и сакральном: от этико-религиозного учения конфуцианства и буддизма, в котором отсутствует идея богов и духов, до «прагматичного» ислама, рассматривающего блаженную жизнь в ином мире как результат усердной реализации религиозных канонов в повседневности. Это в особенности интересно констатировать в условиях продолжающейся

либерализации общества. В контексте нашего предмета мы остановимся на сакральном, которое феноменологически значительно шире, нежели чем религиозное. По этому поводу А. Г. Дульянинов отмечает, что сакральное предшествует религии, дает начало религии и лежит в ее основе [7]. Наши эпистолярные размышления на этот счет представляются робкой попыткой расширить философский дискурс о концепте сакрального в современных проявлениях религиозности в контексте когнитивной дилеммы: турист или паломник. Предваряя наши размышления, обозначим основные контуры представлений о сакральном.

В истории философии осмысление сакрального тесно переплетено с попытками включить в число доступных рассудку область трансцендентного, с установлением границ и возможностей научного познания, методами и инструментами философии. Делались попытки обобщить взгляды, объединив их в рамках двух подходов: «теоцентрического» [12, с. 111], рассматривающего сакральное с позиции индивидуально значимых переживаний, а также «социоцентрического» [12, с. 112], сводившего сакральное к необычному, но социально значимому, коллективно признаваемому явлению, ядром которого, по Э. Дюркгейму, выступали запретные вещи, верования и действия [8, с. 47]. Его последователь М. Мосс поддержал эту позицию, обозначив в качестве сакрального социальные явления, объявленные неприкосновенными в силу их значимости для группы. В пользу такого подхода приводится [27] и факт отсутствия в некоторых обществах терминологических обозначений «священного» или «сакрального», как и различия между естественным и сверхъестественным. Однако этот аргумент выглядит спорным, поскольку предлагаемый В. Ю. Быстровым этимологический экскурс термина *sacer*, от которого производно понятие *sacrum* («сакральный»), показывает, что первоначально он имел отношение к совсем другим вещам [1].

В ряде случаев, следуя традиции методологического холизма, некоторые понятия и категории сакрального уточнялись. Делались попытки [6] дифференцировать сакральное пространство на религиозное (в узком значении), естественное и историческое (в широком смысле). Предлагалось рассмотрение этого вопроса в ином предметно-дисциплинарном поле, как внутри философских подразделов, так и за пределами самой философии, например в рамках социальной или рекреационной географий. Здесь можно вспомнить использование М. Элиаде [16] понятия «сакральное пространство», иерофанию (*hierophanie*), как проявление священных реальностей, таинственных актов, придающих пространству или объектам качественно отличительные свойства. В дальнейшем понятие «сакральное пространство» стало широко применяться и по-разному интерпретироваться, вплоть до обозначения его в качестве «оси биполярной системы сакрального и «профанного» [2]. Предлагается даже территориально локализовать иерофанию в пределах «священного места» [5, с. 116] и отдельно изучать процессы конструирования «священных мест», обозначив таковые *иеротопией* [11]. В рамках философского анализа делался акцент на необходимости выделения отдельных разделов в философии, которые должны были быть чем-то большим, чем просто разнородными, но ос-

тающимися в пределах рационального дискурса суждениями относительно религии. Для Шеллинга это «философия откровения», для Гегеля – «философия религии», но такая «философия сакрального» [1] так и не зародилась, не утратив актуальности и в постмодернистском обществе, закрепившись в поле отдельных философских размышлений. Продолжением такого философского дискурса являются размышления по поводу различий между религиозным туризмом как разновидностью массового туризма и паломничеством, опирающимся на связь с сакральными объектами.

Многообразие представлений о сакральном обусловило множественность подходов в понимании паломничества и туризма. Когнитивная дилемма «турист или паломник» в западной научной мысли возникла из того же процесса секуляризации, который превратил некоторые религиозные центры в туристические направления. В Европе, по данным ЮНЕСКО, 92 религиозные здания считаются и выдающимися универсальными культурными ценностями [22, р. 179], а всего в этом регионе имеется более 6 тыс. христианских мест паломничества, способных привлечь до 70 млн паломников ежегодно [1717]. Как отмечает Нолан (Nolan), религиозный туризм в Европе ассоциируется прежде всего с римско-католической церковью, и не только с системой соборов, монастырей, часовен, но и объектов обслуживания, связанных со священными местами и т. д. [25, р. 59]. По К. Шинде, речь идет именно об индустрии религиозного туризма в Европе, связанной с переходом от традиционного паломничества к организации религиозных туров с предоставлением транспорта и проживания, наряду с религиозной службой во время пути и в пункте назначения [31]. Ж. Д. Гатрелл (J. D. Gatrell) и Н. Коллинз-Крайнер (N. Collins-Kreiner) [21] изучали экономический потенциал религиозного туризма, его влияние на региональное развитие, поскольку в целях оказания религиозных услуг местные власти тратят денежные средства на строительство аэропортов и дорог, медицинское обслуживание и т. д.

Многообразие религиозных систем и вытекающие из этого различия в представлениях о сакральном отобразились в вариации паломничества. В научной литературе обнаруживаются разночтения и неясности самих терминов «паломничество» и «религиозный туризм», вплоть до применения последнего и в отношении паломничества, и в отношении туризма в целом. В отдельном случае паломничество предлагают разделить на мотивированное религией (или «настоящее паломничество»), когда пилигримы не интересуются историко-культурным значением места паломничества, а проводят свое время в медитации, молитвах и совершении религиозных обрядов, и паломничество на почве знания – «религиозные туристы», путешествующие ради первичного опыта паломничества на основании имеющейся у них информации [23, р. 93]. Это «духовное или религиозное вдохновение смысла путешествия», объектами которого могут быть: элементы природно-географической среды (горы, реки и др.), культовые сооружения (церкви, мечети, синагоги), общественные места для проведения религиозных и культовых видов деятельности, ритуалов или празднеств [27].

«Настоящее паломничество» рассматривается как обязательное следование нормам, обрядам и культурным смыслам. Это часть духовного опыта движения в сторону некоего центра, имеющего символическое, духовное значение, как, например, Кааба для мусульман. Это то, что МакКевитт (McKevitt) называет поведением и опытом паломников, питающих святость места [26]. В условиях постмодернизма пилигрим становится символом поиска духовной цели [20], личного удовлетворения в священном [32], а турист – его своеобразная метаморфоза, принимаемые решения которого направлены на «внутреннее беспокойство» [24].

Разница восприятия смысла паломничества, как и смысла сакрального в целом, представителями различных культурных, географических и социально-политических кругов связана и с тем, что не все мистико-религиозные места, почитаемые и посещаемые верующими и туристами, имеют одинаковый статус или воспринимаются как святые [27, с. 69–70]. Они признаются группой или индивидуумами как «достойные преданности и посещения», как дающие возможность установления здесь связи (диалога) между Богом и человеком [29, с. 37], получения благословения, излечения от недуга и др., но при этом различаются «интенсивностью воспринимаемой святости» [29, с. 37]. Так, посещение иранцами мавзолея знаменитого персидского поэта Хафиза в Ширазе, творчество которого наполнено мистическим смыслом и духом, обретает духовное измерение, граничащее с религиозным паломничеством. Для иностранцев же, незнакомых с его поэзией, мавзолей лишь еще одна достопримечательность в их маршруте [27, р. 69–70].

В отличие от паломничества туризм гедонистичен, является движением навстречу «другому», подчинен рекреационной и маркетинговой схемам, происходит в любое время по желанию путешественника [24, р. 3], представляет собой символ успешной полноценной жизни, обремененной получением удовольствий. Гедонизм поддерживает в себе две интенции: на потребление и развлечения. О. В. Понукалина усматривает в туризме «максимизацию получаемого от жизни удовольствия» [14, с. 14], востребованность которого связана с повышенным эмоциональным и нервным напряжением, вынуждающим современного человека искать способы разрядки и компенсаций. В результате культура и досуг уходят от просветительской модели, требующей еще большего напряжения рассудка, к гедонистической, когда «важным оказывается не развивать, а доставлять удовольствие, развлекать и давать эмоциональный допинг [14, с. 15]. В XX в. выдвигались даже по этому поводу отдельные футурологические концепции и социальные утопии, как, например, «эра праздности» А. Шлезингера-мл. и идея о необходимости в будущем специальных консультантов по досугу (Э. Тоффлер) и т. д.

Не последнюю роль в утверждении этих интенций в постсекулярном обществе сыграла получившая в XX в. широкую поддержку либералистическая теория и практика, которая вывела такие атрибуты сущности человека, как разумность, нравственность, духовность, творчество и т. д., в ранг второстепенного, вторичного и выдвинула на передний план «экономические стимулы и потребительские интересы», пропагандируя модель «одномерного челове-

ка» как потребительского существа [10]. В условиях предпочтения потребительским обществом этики удовольствия через постоянное массовое потребление это привело к преобладанию гедонистических мотиваций в поведении. Сама по себе идея одержимого поиска удовольствий не нова. Отдельные ее «отголоски» Е. В. Касьянова обнаруживает в эпикуреизме, утилитаризме, прагматизме и социал-дарвинизме [9]. Классическая же философия рассматривала гедонизм как вид активности человека, который в постнеклассический период стал образом жизни, универсальным идеалом общества массовой культуры, проповедующей наслаждение через потребление как необходимость, – консюмеризм. Туризм в этом отношении, по мнению Т. И. Черняева и Г. Н. Шаркова, является «важным показателем следования консюмеристской доминанте, стратифицирующим критерием и стержнем» [15]. В цивилизации досуга товары и услуги сферы туризма предназначены для удовлетворения потребностей «высокого порядка», согласно иерархии потребностей А. Маслоу, – для самоутверждения, самоуважения, социальной принадлежности. В результате конкретные туристские товары или услуги превращаются в символические компоненты целостного жизненного стиля [3].

Несмотря на то что ядром современного массового туризма является гедонизм, ряд исследователей [19] игнорируют границы между паломничеством и туризмом, объясняя это тем, что турист может быть заинтересован в посещении церкви или священного храма, так же как паломник может вести себя как турист. М. Эбади рассматривает паломничество в качестве подкатегории туризма и классифицирует, в зависимости от мотивации посетителей, на религиозное и светское. В первом случае осуществляется исполнение традиций верующими, которых волнует только святость места и поклонение сверхъестественным божествам. Во втором случае могут удовлетворяться одновременно религиозные и рекреационные потребности: культурные, политические и ностальгические [27, р. 71]. «Культурные паломники» посещают религиозные и духовные центры по всему миру лишь из любопытства к различным культурам и религиям, религиозно-культурным фестивалям, историческим святыням и культурным деятелям, в поисках знаний, идентичности. Г. А. Гарбар в своих взглядах углубляет, усиливает эту линию, рассматривая религиозный и паломнический туризм как разновидность культурной практики потребления культурных продуктов, или турпродуктов [4, с. 141]. Туризм становится визуализированной практикой культурного потребления. В этих культурных практиках и реалиях массовой культуры воспроизводятся ценности, создаваемые в процессе развития цивилизации: массмедиа, дизайн, реклама, менеджмент, законам функционирования которых подчинен религиозный и паломнический туризм. Туризм, с одной стороны, есть процесс созерцания воспринимаемых культурных феноменов, с другой стороны, выступает продуктом глобальной культуры.

Политическое паломничество связано с культом авторитетного при жизни политического лидера (например, посещение могилы Ким Чен Ира), а ностальгическое рассматривается [18, р. 173] в качестве «квазимистического», метафорического возвращения к источнику и колыбели принадлежности, или

для соединения с их историей [30, р. 57], или в качестве «культурного (карикатурного) потребления», с пародийным воспоминанием того, чего уже нет больше». Сакральное в этом контексте может выражаться даже в эстетическом восприятии, созерцании «феноменологической целостности» архитектурно-природного ландшафта [12, с. 77]. Попытки насильственно «оживить» легенды, чтобы воссоздать значимые исторические переживания, – все это, по Бодрийяру, сближает паломничество и туризм, несмотря на то что последний возник с появлением свободного времени как организованный досуг, в отличие от паломничества.

Таким образом, многообразие представлений о сакральном спроецировало и множественность подходов в понимании паломничества и религиозного туризма. Процесс секуляризации способствовал переосмыслению роли некоторых религиозных центров и переориентации их в качестве туристских аттракций: Notre Dame de Paris, Софийский собор в Стамбуле (Константинополь) и др. Все это примеры стирания граней между сакральным и профанным. Религиозный туризм и паломничество сегодня прочно ассоциируются со сферой услуг, с различного рода объектами обслуживания, связанными со священными местами.

Список литературы

1. Быстров В. Ю. О возможности социально-философского анализа сакрального / В. Ю. Быстров // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 2, № 1. – С. 38–47.
2. Воловик В. Н. Категории сакрального ландшафта / В. Н. Воловик // Геогр. вестн. – 2013 – № 4 (27). – С. 26–34.
3. Гализдра А. С. Потребление туристских услуг: социально-философский аспект / А. С. Гализдра // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2008. – Т. 8, вып. 2. – С. 11–15.
4. Гарбар Г. А. Культурный туризм в контексте массовой культуры / Г. А. Гарбар // Гуманітарний вісник ЗДІА. – 2014. – № 56. – С. 140–148.
5. Гродзинский М. Д. Пізнання ландшафту: місцеіпростір. У 2 т. Т. 2 : монографія / М. Д. Гродзинский. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2005. – 503 с.
6. Денисик Г. І. Антропогенне ландшафтознавство: начальний посібник. Частина І. Глобальне антропогенне ландшафтознавство / Г. І. Денисик. – Вінниця : ПП «ТД «Едельвейс і К», 2012. – 336 с.
7. Дульянинов А. Г. Феномен сакрального в контексте туристического нарратива / А. Г. Дульянинов // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. – 2012. – Т. 2, № 19. – С. 182–187.
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни [Электронный ресурс] / Э. Дюркгейм. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1365150/> (дата обращения: 30.04.2015).
9. Касьянова Е. В. Идеалы эскапизма и гедонизма в XXI веке; возрождение этики удовольствия / Е. В. Касьянова // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2012. – № 3 (13). – С. 123–130.
10. Ковшов Е. В. Роль гедонизма в построении модели «homo economicus» / Е. В. Ковшов // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2012. – № 5 (96) – С. 90–95.

11. *Лидов А. М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образцы-парадигмы в византийской культуре / А. М. Лидов. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. – 362 с.
12. *Мелихов Г. В.* Антропология сакрального: к характеристике предмета исследования / Г. В. Мелихов // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, кн. 1. – С. 109–124.
13. *Молодкина Л. В.* Архитектурно-природный ландшафт: эстетическое видение в современном культурном пространстве / Л. В. Молодкина // Вестн. Ун-та Рос. академии образования. – 2015. – № 1. – С. 76–81.
14. *Понукалина О. В.* Труд и досуг в российском обществе / О. В. Понукалина // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 12. – С. 13–17.
15. *Черняев Т. И.* Эмоциональный резонанс как фундаментальный процесс общества потребления / Т. И. Черняев, Г. Н. Шарков // Вестн. Моск. гос. ун-та. – 2009. – № 4. – С. 9–112.
16. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий / М. Элиаде. – М.: Критерион, 2001. – 464 с.
17. *Antz C.* Im guten Glauben – Spiritueller Tourismus als Reisemarkt der Zukunft? / C. Antz // Kulturfaktor Spiritualität und Tourismus: Sinnorientierung als Strategie für Destinationen. – Gottingen, ESV, 2012. – P. 225–249.
18. *Basu P.* Route Metaphors of Roots-Tourism in the Scottish Highland diaspora / P. Basu // Reframing Pilgrimage: Cultures in Motion – London: Routledge, 2004. – 197 p.
19. *Davie G.* Religion in Modern Europe: A Memory Mutates / G. Davie. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 230 p.
20. *Digance J.* Pilgrimage at Contested Sites / J. Digance // Annals of Tourism Research. – 2003 – № 30 (1). – P. 143–159.
21. *Gatrell J. D.* Negotiated Space: Tourists, Pilgrims and the Baha'i Terraced gardens in Haifa / J. D. Gatrell, N. Collins-Kreiner // Geoforum. – 2006. – № 37 (5). – P. 765–778.
22. *Irimias A.* Religious tourism in Hungary – an integrative framework / A. Irimias, G. Michalko // Hungarian Geographical Bulletin. – 2013. – № 62 (2). – P. 175–196.
23. *Jackwoski A.* Polish pilgrimage-tourists / A. Jackwoski, V. L. Smith // Annals of Tourism Research. – 1992. – № 19. – P. 92–106.
24. *Lopez L.* How Long Does the Pilgrimage Tourism Experience to Santiago de Compostela Last? [Electronic resource] / L. Lopez // International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage. – 2013. – Vol. 1. – URL: <http://arrow.dit.ie/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=ijrtp> (mode of access: 25.11.2015).
25. *Nolan M. L.* Religious sites as tourism Attractions in Europe / M. L. Nolan, S. Nolan // Annals of Tourism Research. – 1992. – № 19. – P. 68–78.
26. *McKevitt C.* San Giovanni Rotondo and the shrine of Padre Pio / C. McKevitt // Contesting the Sacred, the Anthropology of Christian Pilgrimage. – London: Routledge, 1991. – P. 197.
27. *Mehdi E.* Forms of Pilgrimage at the Shrine of Khāled Nabi [Electronic resource] / E. Mehdi // International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage. – 2015. – Vol. 3. – URL: <http://arrow.dit.ie/ijrtp/vol3/iss1/9/> (mode of access: 14.12.2015).
28. *Pals D.* Seven Theories of Religion / D. Pals. – New York: Oxford University Press, 1996. – 304 p.
29. *Rinschede G.* Religious Centre / G. Rinschede; ed. J. Jafari // Encyclopedia of Tourism. – Berlin: Routledge, 2000. – 500 p.

30. *Sharpley R. S. P.* Tourism: a sacred journey? The case of Ashram Tourism, India / P. Sharpley Rand Sundaram // *International Journal of Tourism Research*. – 2005. – N 7. – P. 161–171.

31. *Shinde K. A.* Policy, planning, and management for religious tourism in Indian pilgrimage sites / K. A. Shinde // *Journal of Policy Research in Tourism*. – 2012. – N 4 (3). – P. 277–301.

32. *Turnbull C.* Postscript: Anthropology as Pilgrimage : Anthropologist as Pilgrim / C. Turnbull // *The Anthropology of Pilgrimage*. – Westport-CT, 1992. – P. 257–274.

The Antinomy of the Sacred and the Profane in the Philosophical Discourse: a Tourist or a Pilgrim?

D. A. Gusenova

Dagestan State University, Makhachkala

Abstract. The main concept of the antinomy of the sacred and the profane in the context of philosophical reflections about belonging of modern pilgrim searching for spirituality spiritual to the category of «a traveler» or «a pilgrim» is revealed. The author points out that a variety of ideas concerning the sacred has created a variety of approaches in understanding of pilgrimage and religious tourism as a religious practice. The problem of misunderstanding of the key categories and concepts is paid attention to. There is gradual blurring of «boundaries» between pilgrimage and tourism not only in academics, but in everyday life, as in the post-secular society the sacred is perceived as spiritual or objective certainty in terms of its significance for humans. Either spiritual goals or hedonism are the main motives for the travel and the watershed of religious tourism, both of mass tourism in general and of pilgrimage. The example of Europe is cited, where the places of worship have long been used as a tourist destination, and local authorities consider them as additional profit source. In conclusion, the author points out that tourism and pilgrimage today are strongly associated with the tertiary activity geared to sacred places.

Keywords: sacred, tourism, pilgrimage, religious pilgrimage, tourist, «a sacred place».

Гусенова Джамия Адамкадиевна

кандидат философских наук,

доцент, кафедра философии

и социально-политических наук

Дагестанский государственный университет

367000, г. Махачкала, ул. Магомеда

Гаджиева, 43 а

тел.: 8(8722)562130

e-mail: gusenowa03111978@yandex.ru

Gusenova Dzhamilya Adamkadiyevna

Candidate of Sciences (Philosophy),

Associate Professor, Department of

Philosophy and Socio-Political Sciences

Dagestan State University

43 a, Magomed Gadjiev st., Makhachkala

367000

tel.: 8(8722)562130

e-mail: gusenowa03111978@yandex.ru